

Огонь продолжал полыхать прямо на земле, и огненный дождь с небес превратил всё вокруг в море пламени. Длинные волосы Нидхегга отливали ярким, ослепительным багрянцем. Фэн Цихэн наконец понял, откуда исходил этот жар, но сейчас у него уже не было времени раздумывать: слова Нидхегга, эхом разносившиеся в сводчатой пещере, звучали как глубокомысленные буддийские мантры, не утихавшие долгое время.

Мать моя женщина! Обязательно ли каждый раз пробивать на слезу так душещипательно?! За два дня я пролил больше слез, чем за все свои двадцать два года! Иметь совершенно безобидное личико лоли и изъясняться цитатами старых боссов мафии — вы что, реинкарнация Брандо? С таким величественным и надменным видом демонстрировать хладнокровие крестного отца, произнося напутствие о том, что великими не рождаются, а становятся в процессе взросления, но при этом за кулисами являть отцовскую нежность и выражение: «Ах, дитя моё! Отец любит тебя!». Вы меня до смерти хотите напугать или до смерти растрогать? Если сцена прощания продлится хоть на секунду дольше, режиссер закричит «Стоп!»!

— Возьми меня за руку.

Голос Нидхегга звучал всё слабее.

— Хорошо, — Фэн Цихэн закивал как цыплёнок, клюющий зерно. Неизвестно почему, но его охватила глубокая тоска: с того момента, как стоявшая перед ним девочка произнесла эти слова, всё происходящее стало казаться склейкой самых трагичных моментов из всевозможных мелодрам, зацикленной и воспроизводимой снова и снова. Ему так горько и больно было на сердце, что хотелось зарыдать в голос.

Дыхание Нидхегга на мгновение прервалось, а затем восстановилось снова. Она оттолкнула протянутую руку Фэн Цихэна и обвила его своим хвостом.

— Пока моему восприятию не поставили печать, я буду направлять прилив божественной силы. Иди смело и ни о чем не беспокойся.

Какая же она всё-таки надежная! Не зря говорят, что старшие всегда идут в авангарде. Хотя она и любит вставлять в речь всякие заумные термины, наверное, в этом и заключается приобретенный с возрастом жизненный опыт и мудрость взрослых.

Когда Нидхегг снова прижалась к плечу Фэн Цихэна, напускная уверенность и высокомерие мгновенно испарились. Она вновь превратилась в невинную и чистую студентку: в просторной футболке с короткими рукавами, она тихонько училась дышать в такт кошке.

Казалось, она по-прежнему переложила все заботы на плечи Фэн Цихэна, и когда последний очнулся от состояния абсолютного оцепенения, земля под ним уже горела. Море огня, словно безудержно веселящиеся огненные духи, плясало перед глазами, разгоняя царивший здесь веками холод и добавляя капельку тепла этому заброшенному и забытому миру... Но температура продолжала стремительно расти, перевалив за отметку в сорок градусов по Цельсию, и явно собиралась подниматься дальше.

— О боже мой, чёрт побери! Сентиментальный образ падшего героя так быстро сменился безумием какого-то гонщика из преисподней? В следующую секунду здесь появится скелет на мотоцикле с цепью в руках и заставит меня заглянуть ему в глаза?

Огненное море струями и змейками вилось вокруг его тела. Выжженную землю покрыла туманная дымка красноватого оттенка, но самое странное было впереди: из-за края бездны донесся нетерпеливый гул. Когда Фэн Цихэн поднял голову, чтобы посмотреть, оказалось, что

до него осталось меньше ста метров. Огромное алое скопление напомнило ему айсберг, подчиненный силам гравитации — эта смесь холода и жара вызывала всеобщее физическое недомогание.

— Эй, ты случайно не пускаешь на меня слюни? — Фэн Цихэн передернул плечами, из-за чего прильнувшая к нему Нидхегг тоже слегка качнулась.

Огненный водопад! — это была единственная мысль, бившаяся в голове Фэн Цихэна. Он был совершенно бессилен. До его слуха донесся шум падающей воды — но звук этот был вовсе не звонким, как у айсберга, а мягким и непрерывным. Этот непрекращающийся гул исходил от рушившегося огненного водопада, и казалось, будто находишься вовсе не в мертвой пустоши, а наслаждаешься купанием в горячих источниках Кусацу в Японии. Источники вились вдоль горных тропинок и водяных колес, наполняя купальни густым запахом серы и пара. Прислонившись к скале, сливающейся с купальней, приложив к лицу горячее полотенце и любясь падающими снежинками, сквозь клубы тумана можно было услышать отчетливый хрупкий стук бамбуковой трубки.

— Ах... Пожалуй, на ужин я возьму удон и сашими. Заодно неплохо бы пересмотреть Танцовщицу из Идзу — в те времена Момоэ Ямагути была очень хороша.

Фэн Цихэн сладко застонал, предаваясь мыслям о блаженстве после купания, и в его воображении даже само собой нарисовалось время смешанного купания в бане, где он единственный мужчина, а вокруг в клубах тумана расслабленно и смело обнажаются красивые девушки — такое чисто мужское заблуждение в стиле весь мир принадлежит мне.

Шлёп!

Фэн Цихэн отвесил себе пощечину. Разве сейчас время думать о том, какое блюдо самое знаменитое, или какая актриса эпохи Сёва была самой яркой?! Ситуация уже горит, и если не выбраться отсюда, у него даже права на фантазии не останутся!

Огненное море сливалось в сплошной непрерывный ковер, с небосвода непрерывным потоком падали огненные метеоры. Это тревожное беспокойство заставляло содрогаться, а высвобождаемое пламя накаляло воздух до предела. Фэн Цихэн продвигался с огромным трудом, тонкие полоски пламени вились вокруг него, напоминая слабым блеском серебряных рыбок в океане. Огненное море уже скрывало его колени, полные ноги погрузились в относительно спокойную гладь, сквозь прозрачные просветы в пламени виднелась обугленная земля.

Это напомнило Фэн Цихэну сбор улиток на деревенских рисовых полях: ранней осенью, закинув за спину бамбуковый короб и закатав штанины, бредешь по рисовому полю на ощупь. Нашупаешь с десятков улиток размером с большой палец, радостно бросишь в короб, а когда дно перестанет быть видно — возвращаешься домой, чтобы приготовить тарелку жареных улиток и насладиться остротой во вкусе и освежающим осенним ветерком.

— Прилив божественной силы заставляет тебя предаваться нереалистичным фантазиям. Это вызвано высвобождением функций правого полушария под воздействием божественной энергии. Впрочем, не обращай внимания: это состояние быстро сойдет на нет и сотрется по мере мощности прилива, всё вернется в норму через несколько секунд, — голос Нидхегга проник в его уши.

Фэн Цихэн причмокнул губами. Теперь даже фантазии вышли из-под контроля?

Огонь не обжигал по-настоящему, лишь приносил удушливое чувство. Ещё когда пламя только заполнило бездну, он заметил между собой и этим огненным морем некий барьер: он ощущал лишь жар, передаваемый искривленным пламенем воздухом, в то время как реальные ожоги обходили его тело стороной. Он словно стоял посреди моря подводным рифом, о который разбивались вихри стремительного потока.

Почему? Зрачки Фэн Цихэна сузились. Почти осязаемое пламя перед самым касанием его кожи искажалось неведомой силой сопротивления. Мимолетный призрачный силуэт внезапно исчезал, после чего, словно змея, высывающая жало, огонь обходил его стороной и, огибая контуры его тела, устремлялся назад.

И не только в нижней части тела. Фокус зрачков Фэн Цихэна сместился на плечи и грудь: здесь это было заметно еще сильнее. Блуждающие в воздухе языки пламени соединялись, создавая непрерывную череду этих призрачных образов, а черно-красное свечение покрывало поверхность его кожи, поочередно отводя потоки бушующего огня. Он двигался против течения, словно нос корабля, пробивающий морские волны, с глубоким и надменным величием.

Небо, казалось, рушилось.

В темном своде была разорвана темно-красная щель, с перевернутого купола капала темно-красная лава; она вязкими каплями висела на каменных стенах и с жутким шипением падала на землю. Вскоре темный небосвод начал светлеть, и за лавой небо усеяли красные огненные шары, словно рассыпавшиеся звезды — это напоминало величественную песнь огня. Они подбирались всё ближе, и когда темный свод сначала стал раскаленно-белым, а затем превратился в глубокий багряный океан, они прорвали купол насквозь, как тонкую бумагу!

Звезды падали вниз. Фэн Цихэн был уверен, что на Земле подобного зрелища не увидишь больше нигде: охватившие всё небо метеоры заполнили поле его зрения. Поражающий воображение шок прорывал одну линию обороны за другой. Алые световые полосы сливались воедино, исчезая и вновь появляясь в воздухе — это была картина конца света, которую можно было лицезреть, лишь заплатив за неё будущим.

Что же касается тех, кого Фэн Цихэн назвал «ими»... Нельзя было отрицать, что благодаря усилению божественной силы Нидхегга его зрение намного превосходило пределы обычного человека, а динамическое зрение стало острым, как у сокола. Он действительно разглядел их: среди звезд и пламени, сливаясь с фоном, но при ближайшем рассмотрении совершенно чужеродные человеческие фигуры, завернутые в подобия огненных шаров, падали за скальными выступами.

Он был уверен, что не ошибся: те лица, искаженные сложными эмоциями, явно не принадлежали серийным Пандорам. Убедившись, что это были люди, он вдруг отчетливо услышал в воздухе крики и стоны падающих с большой высоты.

Здесь есть кто-то еще? Почему они падают «сверху»? Неужели найдется кто-то настолько глупый, чтобы прыгнуть в бездну? И связаны ли они с метеоритным дождем?

Череда вопросов пронеслась в голове Фэн Цихэна. Когда возникал новый вопрос, предыдущий затихал, пока наконец все мысли не оказались вытеснены, оставив в голове пустоту, способную породить лишь одну реакцию.

Раз в этой пустыне есть и другие выжившие, к черту — враги они или друзья! Сейчас все вопросы второстепенны, есть вещи поважнее...

— Мысль рождает действие. Фэн Цихэн перевел взгляд вверх от места их падения, затем сложил руки ладонями вместе, закрыл глаза и произнес: — Надеюсь, в этом году всё сложится удачно... — после чего с самым серьезным видом дважды хлопнул в ладоши. Почувствовав, что небеса прониклись его искренностью, он стремглав бросился к противоположной стороне скальной стены.

Запах гари в носу и во рту стал еще сильнее. Фэн Цихэн убедился, что больше не находится в фантазиях о «горячих источниках». Картина перед глазами иначе как жуткой не называлась: за скальной стеной всё выглядело как кладбище звезд. Раскаленный добела жар и лава плавил крутые каменные склоны, и капли с отвратительным шипением падали на землю.

Они были окружены огненными шарами: «метеориты» трехметрового диаметра оставили после себя глубокие кратеры, защищая упавших в самом центре. Фэн Цихэн вытянул шею: первое, что бросилось ему в глаза — это багровая пелена пламени, сквозь которую проступали их исковерканные и обожженные тела.

— Средневековое сожжение на костре? — не удержался от реплики Фэн Цихэн.

— От тебя пашет точно так же, — произнес Нидхегг.

— Эй, ты еще жива? — сначала удивился он, а затем выпалил то, что действительно думал: — Неужели от меня так сильно нес? Видимо, бездна повредила мое обоняние, в носу чувствуется только чистая сера да выхлопные газы Доджа...

Фэн Цихэн принялся и беспечно пожал плечами: все остальные запахи были растворены высокой температурой, учудить что-то еще среди этого было просто невозможно.

— Дело не в обонянии, — сказала Нидхегг. — Представители одного вида излучают в макромасштабе одинаковые биологические волны. Через эту среду я чувствую твое сходство с ними. К тому же моё обоняние сейчас запечатано, все запахи равны нулю.

Фэн Цихэн протянул «о-о», а затем подозрительно переспросил:

— Ты что, снова слышишь меня?

— Печать перешла на ощущения вкуса и осязания, зрение и слух временно рапечатаны. Следующим на очереди будет осязание.

Нидхегг произнесла это так буднично, будто рассуждала о том, что будет на ужин.

— Ну и хлопотно же это... Впрочем, ты только что сказала «сходство»? Мы же с ними всё-таки разные, в чем именно? В моем доблестном и необыкновенном темпераменте? В той красочности, от которой цветы вянут, а машины взрываются? Или они — биороботы с пересаженными органами и внедренными машинными чипами? — Фэн Цихэн снова нес чепуху.

— Пол.

— Ну, в таком случае можно сказать лишь «сходство», — сник Фэн Цихэн.

— Подойди поближе, они еще живы.

Причина, названная Нидхеггом, звучала крайне странно.

— Эй-эй, «они еще живы» — это не повод подходить ближе! Упасть с такой высоты, да еще

прокатиться автостопом на метеорите, и после этого всё еще быть живыми? Да они либо инопланетяне, либо монстры! А вдруг они окажутся лицехватитами?

Фэн Цихэн привел вполне весомый довод.

Нидхегг, казалось, поддавалась на уговоры. Помолчав немного на его плече, она ответила с железной уверенностью:

— Они действительно твоего поля ягоды, вне всяких сомнений.

И, чтобы её суждение звучало убедительнее, добавила:

— Хм... Самые настоящие люди.

— Настоящие... — Фэн Цихэн потерял дар речи.

— Наличие рядом сородичей поможет тебе уравновесить прилив божественной силы, когда я опечатаю осязание.

— Эй-эй-эй-эй... — обреченно протянул Фэн Цихэн. — За кого ты принимаешь человеческий род? Мы незнакомцы, с какой стати им нам помогать? Судя по моему двадцатидвухлетнему жизненному опыту, большая часть сородичей предпочитает втыкать нож в спину, особенно в текущих обстоятельствах.

— У тебя больше нет выбора.

Фэн Цихэн замер. Раздавшийся в ушах свист заставил его поднять голову: с неба рухнул бушующий поток пламени, в центре которого был заключен сине-белый ледяной шар. С грохотом врезавшись в землю, он разрушил кольцевой строй, обнажив силуэты в самом центре.

— Трое людей и спасательная капсула? Эх... Ладно, делать нечего, пойду попробую. Только я не могу явиться к ним в таком виде! Вдруг возникнет недопонимание, и они решат со мной посчитаться?

Надо признать, в этом вопросе Фэн Цихэн проявил крайнюю осмотрительность.

— Твои волосы.

— Волосы?

Он опустил голову и скосил глаза вверх: чуть отросшая челка упала на глаза, а серебристые пряди заставили его нахмуриться.

— Я что, слишком много думал в последнее время? От забот даже поседел.

— Это побочный эффект моей божественной силы, — Фэн Цихэн отчетливо услышал в голосе Нидхегга глубокое бессилие, словно она отчаялась иметь дело с этим бестолковым Сопровождающим Богов. — Под воздействием божественной энергии твоя внешность постепенно приближается к моей, включая цвет волос, глаз и прочее. Это всё равно что...

Заметив перемену в тоне Нидхегга, он смутился, а затем, стремясь доказать, что его мозг еще не съели зомби, ответил:

— Сородичи.

— Отец и дочь... Эх, делай по-своему, давай проверим, — Фэн Цихэн, не оборачиваясь, шагнул вперед и с уверенным видом приблизился к трем фигурам.

Он не смел оглядываться: исходящая от дракона за его спиной устрашающая аура подгоняла его двигаться только вперед.

Огонь рассеялся, обнажив изящные контуры женщины. Судя по их манерам и внешности, разница в возрасте между ними была немалой, но все они излучали свежесть юности.

— Откуда только берутся такие красотки, — пробормотал Фэн Цихэн.

Он обошел их с другой стороны. Женщина в центре, в длинном плаще и с прической хизэ-дацу, идеально подходила под определение красоты: длинные прямые синие волосы струились по точеной фигурке, являя взору зрелое и манящее лицо старшей сестры. М? Приглядевшись внимательнее, он заметил у уголка её глаза слезинку, делавшую её поистине неотразимой. Он моргнул, и в голову пришла лишь одна мысль: чистый лотос, не тронутый искусственной резьбой.

Ледяная глыба за спиной растаяла от жара. Не успел Фэн Цихэн подойти ближе, как брови Найфсоис нахмурились, и она обвела окрестности расфокусированным взглядом.

Ох ты ж мать моя! Уже очнулась? Я же еще не готов! И что теперь говорить? При первой встрече нужно произвести хорошее впечатление! Но... как можно делать такие вещи под собственной личиной!

Он откашлялся и, приняв решение, нерешительно обратился к трем пришедшим в себя людям:

— Хай, хелло... Моси-моси?

Зрачки Найфсоис сфокусировались на лице Фэн Цихэна. В этот момент расстояние между ними сократилось до той дистанции, на которой полагалось соблюдать осторожность, и когда она увидела перед собой «монстра» с серебристыми волосами, багровыми глазами и бугристой кожей, напоминающей твердую кору, её первой реакцией стало —

— Восходящий дракон Лу Шаня!

— Сестричка Пафф... А он улетел.

— Лань Ду... Вот как, ты жива и полна сил, и с меня хватит. А Ройтихан? Не ранена? Должна же ты верить в мои научные творения.

Найфсоис усилием воли заставила себя окончательно проснуться. Две другие исследовательницы тоже медленно поднялись на ноги, а поскольку она была лидером этой миссии, на ней лежала обязанность заботиться о здоровье членов команды.

— Серьезных повреждений нет, похоже, только царапины, — Найфсоис проверила состояние обеих девушек и вручную переключила режим работы капсулы анабиоза: — Перевести Баланс-IX в бытовой режим.

Три цилиндрических сосуда, похожих на питательный раствор, вылетели из открывающегося отверстия, и сантиметровые колпачки соскочили, обнажая острые иглы.

— Теперь можно без страха путешествовать по Гинунгагапу.

Закончив со всем этим, Найфсоис вдруг вспомнила о том, что произошло мгновенно до этого, и в панике посмотрела на двух стоявших неподвижно существ.

— Это... Он?

— Да нет же, сестричка Пафф, судя по голосу, это мужчина. Но сестричка Пафф, ты просто невероятна! Когда ты успела освоить Восходящий дракон Лу Шаня? — Лань Ду, сверкая глазами, полными восхищения, смотрела на свое непосредственное начальство, обнаженная и переполненная благоговением. Та наконец сдалась, сняла с себя длинный плащ и набросила его на оставшуюся без одежды Лань Ду.

— Вот видите, я же говорил, что им нельзя доверять! В одном она не соврала: они действительно не стали бить меня в спину, а врнули прямо в лоб! Откуда она взялась, эта Шириу? Приняла меня за Маску Смерти? Что они тут устроили, сцену из «Святого Сейи»?!

Фэн Цихэн кашлянул и поднялся из каменного завала. Он чувствовал лишь легкую ломоту во всем теле, никакой сильной боли не было. Вероятно, это был побочный эффект божественной силы, из-за которого прочность его тела тоже приблизилась к уровню Нидхегга. Впрочем, сейчас это было неважно — его ведь ударили! Ни за что ни профо ударили в лицо! Накопленный гнев мгновенно вырвался наружу, и он грозной походкой направился к ним.

— П-приветствую вас... Ужин уже ели? Белье с сушилки сняли? Погода сегодня просто прекрасная, ха-ха... Ладно, пожалуй, я пойду.

Неудивительно, что Фэн Цихэн спасовал: какой бы ни был характер, даже самый яростный человек дрогнет, когда ему в лоб утыкают черное дуло девятимиллиметрового пистолета. Никто не станет испытывать судьбу, ведь от такого изящного оружия хватит и одной пули, чтобы лишить жизни.

— Болтать успеете... Я, я, я... — Фэн Цихэн чувствовал себя неуверенно, постепенно пытаясь выскользнуть из зоны поражения ствола.

Черт побери! Какого черта?! Почему пустынный орел, который в кино появляется только для того, чтобы главный герой покрасовался, оказался здесь? Откуда они вообще взялись — КГБ, ФБР, МИ-6 или Моссад? Такое чертовски грозное оружие обычно не используют для заказных убийств, да и тяжеловато оно небось, не находите? Так и заработать профессиональный тендинит на всю жизнь, мадам.

В мгновение ока Фэн Цихэн мысленно нарисовал картину: агенты в черных костюмах и темных очках, с холодными лицами и неторопливой походкой проникают в тыл врага, точным выстрелом раят неприятеля, а затем говорят по рации: «О, я тут знаю один арабский ресторанчик, неплохо готовят!», и в финале фильма все участники операции ужинают за одним столом, морщась, но пережевывая вполне «неплохие» блюда.

— Постой.

Голос принадлежал женщине из центра. Фэн Цихэн машинально остановился, подумав: мало того, что выглядит взрослой, так еще и голос идеально соответствует образу старшей сестры! Но зачем ты меня остановила? Неужели убьешь, чтобы замести следы?!

— А-а-ха-ха... Я просто проходящий мимо Камен Райдер, сейчас же уйду... — Фэн Цихэн старался казаться как можно менее заметным, чтобы не попасть под прицел того «пустынного орла», способного переломать все конечности.

Он мелкими шажками отступал назад, думая про себя: кто посмеет перечить женщине с такой пушкой в руках! И хватит уже говорить так, будто провожаешь гостя! Не собираетесь же вы заставить меня вынести мусор?!

Фэн Цихэн с натянутой улыбкой рассчитывал расстояние между ними, и когда почувствовал уверенность, попытался сделать точное движение: согнув колени, присесть на одной опорной ноге и резко развернуться. Отработанное движение придало ему решимости. Но ожидаемого выстрела не последовало — напротив, едва он повернулся, как сквозь пелену смущения расслышал, как женщина произнесла имя «Лань Ду».

Его опорную ногу крепко схватили. Неподвижная нижняя часть тела заставила его податься вперед, а руки, занятые удержанием Нидхегга, не позволили смягчить падение — оставалось только тормозить лицом.

— Нидхегг... Ты как? Хотя ты и говорила, что божественная сила укрепит мое тело... но я сомневаюсь, что это распространяется на толщину кожи на лице... — его голос уткнулся в землю, а в рот хлынула теплая жидкость с металлическим привкусом.

В ответ царил тишина. Фэн Цихэн в недоумении вытянул голову из грязи и снова позвал Нидхегг по имени. В поле зрения попала короткостриженная девушка, которая отпустила его ногу и медленно поднималась на ноги. Синий длинный плащ полностью скрывал её тело ниже головы, а из чуть широковатых рукавов выглянули две руки, похлопавшие по несуществующей пыли на одежде, после чего она спокойно повернулась. Однако ему было не до этого: сидевшая на плечах Нидхегг никак не отзывалась. Девушка, которая после раскорпечивания слуха должна была ответить, теперь безмятежно прижалась к его шее, словно погрузилась в сон. Фэн Цихэн заволновался: забыв о том, что позади все еще стоят три внешне обманчивые грозные особы, он опустил Нидхегг на землю и начал отчаянно звать её по имени. Он не понимал, почему девушка, еще мгновение назад способная отпускать шуточки вместе с ним, теперь застыла с безмолвием вмерзшего в пучину бездны тела, и тепло покидало её плоть, приближая её к неотвратимой смерти.

— Человек? — Лань Ду захлопала глазами.

— Слишком тяжелые раны, они что, попали под бомбежку? Лань Ду, немедленно подготовь операционную!

Судя по одной лишь спине, Найфсоис еще испытывала некоторое удивление, но когда Фэн Цихэн опустил девочку на землю и открылся её вид спереди, шок оказался куда сильнее.

Девочка с ног до головы была искупана в крови. Из-под одежды виднелись страшные раны, которые бесконечно рвались и снова затягивались, вновь и вновь терзая её тело. Резанные раны на груди переплетались с последствиями тупых ударов, и при ближайшем рассмотрении можно было заметить застрявшие внутри металлические осколки. Голеностопный сустав был пробит насквозь, сквозь разрывы проступали обнаженные кости. Множественные переломы и травмы по всему телу, и что еще важнее — были ли повреждены внутренние органы?

Найфсоис уже онемела: при виде любых травм она давно перестала удивляться. То, что эта девочка вообще была жива — уже чудо. Говоря простым языком, каждая отдельная травма на её теле была смертельной, но она упорно цеплялась за жизнь... хотя эта воля к жизни уже поглощалась смертью.

— Просто... — Найфсоис не стала договаривать, а просто приспособила выдвижную часть капсулы анабиоза под экстренный операционный стол.

Теперь специфические термины отзывались в ушах Фэн Цихэна с особой болезненной чувствительностью. Его ослепил внезапно включившийся прожектор, и он застыл среди кругов света.

— Вы... вы врачи? — с тревогой и недоверием посмотрел он на развернувшуюся подготовку.

— ...Наверное, да, — подумав, ответила Лань Ду, деловито натягивая стерильные перчатки.

Фэн Цихэн встал и под изумленными взглядами троих рухнул на колени, припав ниц.

— Умоляю, спасите её! Сделка с демоном или что угодно — я на всё согласен! Быстрее!

Фэн Цихэн до крови закусил губу. Его всего трясло, и как бы он ни старался успокоиться, тело продолжало сотрясать изнутри. В конце концов он перестал сдерживаться, отпустив свое тело и позволив этой дрожи разрастаться до бесконечности. Ему действительно было страшно: температура тела Нидхегга продолжала падать, и у него появилось осязаемое, всё усиливающееся чувство, что он вот-вот потеряет что-то очень важное.

Он опустил голову, и тело его дрожало, точно у зимнего птенца, которого облили ледяной водой. Фэн Цихэн не смел поднять взгляд, боясь увидеть разрушенные мечты. Хотя они и обмолвились фразой насчет немедленного спасения в случае тяжелых травм, но чужие люди не обязаны вытягивать кого-то из беды на одной лишь морали — надежда на то, что долга или ответственности здесь нет, способна лишь усугубить дело. Он не был уверен, что собеседницы — добросердечные благодетельницы, но когда на кону стоял Нидхегг, он был обязан пойти на любые мольбы. Больше всего он боялся получить отказ, протягивая руку к желанной надежде. Боялся, что она ускользнет, боялся, что девочка погибнет из-за того, что он проявил недостаточно искренности. Фэн Цихэн отбросил всё. Говорят, когда перед тобой забрезжит надежда — пусть даже призрачная, микроскопическая, — какую цену ты готов за нее заплатить? Фэн Цихэн уже дал ответ: он положит на весы самого себя.

Вокруг клубился зной, но тело Нидхегга становилось всё холоднее.

— Ладно-ладно! Спасаем мы, спасаем! — спустя какое-то время Лань Ду подошла ближе, намереваясь переложить девочку на операционный стол. — Мы же сказали, что поможем!

Протянутую руку Лань Ду перехватили. Девочка замерла, а затем увидела, как стоящий на коленях мужчина в упор смотрит на нее. Его голос утратил прежний оттенок — низкий, надломленный, полный сложнейших эмоций и едва ли не срывающийся на плач, он произнес: «Умоляю вас». Словно поддавшись этому состоянию, Лань Ду смягчила тон, немного подумала и ответила вполне серьезно: «Сестрица Пафф постарается изо всех сил. Но вот ты сам... ранен ведь тоже тяжело».

Мужчина покачал головой, безвольно разжал напряженные пальцы и позволил ей увезти девочку. Он так и остался стоять на коленях, опустив голову, и его одинокая тень казалась маленьким песиком, потерявшим хозяина.

Эта девочка, должно быть, очень важна для него, — подумала она.

Нидхегг тихонько лежала на операционном столе, а направленные на нее лампы освещали ее, заставляя казаться заснувшей сломанной куклой в заброшенном театре.

Сначала Найфсоис взяла у Нидхегга кровь, и та, пройдя через автоматическую систему смешивания в капсуле анабиоза, пошла на переливание. Наркоз давать не стали: судя по текущему состоянию, пациентка уже погрузилась в глубокую кому, так что разницы с анестезией или без нее почти не было, к тому же в наличии не имелось ни профессионального анестезиолога, ни запаса нужных препаратов.

— Вы люди? — Лань Ду подхватила поднос и, усевшись по-турецки сбоку, откровенно скучала.

— А... да, можете звать меня Ван Сяомин. — Заметив столь профессиональный подход, Фэн Цихэн немного успокоился, но при упоминании этого вопроса снова насторожился.

Найфсоис тем временем занялась внешними повреждениями: скальпель рассек затянувшиеся раны, извлекая оттуда металлические осколки.

— Ой! Ван Сяомин? — Лань Ду зажмурилась от яркого света и неохотно принялась ассистировать.

— Вы...

Фэн Цихэн скривил рот. Задавая этот вопрос, Лань Ду уже успела несколько раз бегло оглядеть с ног до головы как его самого, так и Нидхегг; он даже заметил, как у врача, проводившего операцию, забавно зашевелились уши.

— Мы... мы отцы... — Фэн Цихэн вовремя осекся.

В повисшей тишине раздавался лишь звон металлических осколков, падающих на поднос.

— Мы супруги. — В конце концов произнести слово «отец» у него язык не повернулся. О том, согласится ли вообще Нидхегг, можно было и не думать, но на подобные унижения собственной репутации он пойти не мог!

— Супруги?

Лань Ду опешила, внимательно всмотрелась в окровавленное лицо девочки и нахмурилась. Фэн Цихэн отчетливо заметил в ее взгляде явное презрение, когда она отвернулась.

Эй! О чем вы только думаете! Пусть внешне она выглядит мелковатой, но она же совершеннолетняя, ясно вам?! К тому же, неужели я со своей благородной физиономией похож на извращенца, способного совращать малолеток?!

— Эй! Главврач, не трясите руками! — возопил Фэн Цихэн.

Осколки ссыпались в поднос целой горой, и это жуткое, от одного вида которого мурашки бежали по коже количество было лишь началом.

— Спрашивать об этом уже поздно. Кто вы такие? Люди, умудрившиеся выжить в этих местах, редки, как крашенные панды.

Крашенные панды? Что за бред ты несешь?! Фэн Цихэн закатил глаза, но от этого испытания всё равно было не отвертеться: если он не хотел получить аккуратную дырочку в голове от чьего-нибудь «Пустынного орла», приходилось отвечать.

— Мы... — Фэн Цихэн на мгновение задумался. — ...хорошие люди.

— А-а — прости-прости, я виновата, прояви милосердие, пощади мою собачью жизнь.

Очевидно, ответ Фэн Цихэна прозвучал настолько абсурдно, что даже хранившая молчание с самого начала лоли с прической медузы молча вскинула пистолет и навела его прямо на него.

Это что, настоящий отъявленный головорез?! К тому же она ведь тоже малолетка! Вам вообще известно, что использование детского труда незаконно?

Ройтихан сидела в капсуле анабиоза, слегка прищулив глаза. Казалось, ей абсолютно плевать на всё происходящее вокруг, однако ее изящная рука уже удерживала двухкилограммового «Пустынного орла», нацеленного на Фэн Цихэна.

— М-м-мы... мы... — от волнения у Фэн Цихэна язык заплетался. — Со... Соммер... вы знаете Соммер?

На капсуле бросалась в глаза крупная надпись SOMMER, и не заметить ее Фэн Цихэн просто не мог. Однако сейчас не стоило отвечать утвердительно: двусмысленные ответы тоже могли вызвать у собеседников неадекватную реакцию. Перебросить вопрос обратно — Фэн Цихэн мысленно возблагодарил небеса за то, что в университете листал сборник «100 способов общения», иначе его мгновенно прихлопнули бы на теме, в которой он совершенно не разбирался. Возврат вопроса — отличный способ поддержать диалог, но поверит ли собеседник в столь небрежный ответ от того, кто знает лишь одно название?

— Тяжелое машиностроение Зоммера! Ты тоже сотрудник? — неожиданно глаза девочки-ассистентки загорелись, когда она посмотрела на Фэн Цихэна.

Зеленые глаза, — отметил про себя Фэн Цихэн.

— Устройства, ведущие на полигон, установлены только внутри Тяжелого машиностроения Зоммера. Подозрения вызывает как раз неспособность назвать это имя, — легко бросила Найфсоис, аккуратно отсекая омертвевшие ткани. От этой картины Фэн Цихэна слегка замутило.

Вот как? Значит, не назвать его — это верная смерть.

— Однако Тяжелое машиностроение Зоммера нанимает только местных. Судя по твоему виду, ты стажер? Откуда сам?

Местных? Разве я выгляжу недостаточно местным?! — бушевал внутри Фэн Цихэн, но тут же вспомнил, что из-за божественной силы Нидхегга сейчас щеголяет в образе европейского средневекового вампира с серебряными волосами и алыми глазами. Того смазливового парнишки с черными волосами и темными глазами больше не существовало, эй!

— Я полукровка, — из-за того, что его жизнь висела на волоске, голос прозвучал слегка обиженно.

— О? И кто твои родители?

Кто... Фэн Цихэн тяжело вздохнул.

— Китаец и норвежец с немцем.

— Довольно запутанные родственные связи! А конкретнее, кто именно из родителей кто? — Лань Ду подперла подбородок руками, превратившись в ходячее воплощение сплетен.

— Э-э... — Фэн Цихэн скосил глаза вверх, потер нос и ответил: — Моя мама — китаянка, а папа... тоже китаец.

Дремавшая Ройтихан перевернулась на другой бок, совершенно не интересуясь, насколько чистокровна родословная у этого свалившегося на их головы мужика.

— Тогда откуда у тебя немецкие и норвежские корни? — Лань Ду склонила голову набок, демонстрируя крайнее недоумение.

— Насчет корней... — Фэн Цихэн помедлил, заглянул в ее зеленые глаза и медленно произнес: — Они от моей благоверной.

Подобные термины для Лань Ду, которая лишь недавно начала учить китайский язык, были рановаты. Пусть она и обладала склонностью «докапываться до самой сути вещей», древняя и глубокая культура китайского языка не давалась с налету. Столкнувшись с незнакомым

словом, она с надеждой уставилась на надежную большегрудую старшую сестру Найфсоис.

— Благоверная — это жена.

Получив ответ, Лань Ду протяжно произнесла «о» и погрузилась в задумчивость. Оперевшись обеими руками о края операционного стола, она уселась у ног Нидхегга, склонила голову набок, наблюдая за ходом операции, и болтала сцепленными ногами, словно полностью приняла этот ответ...

Нет! Как такое вообще можно было принять!

С молниеносной быстротой что-то пролетело у самого виска Фэн Цихэна, оставив лишь размытую белую тень. Его движение — попытка подавить подступившую зевоту — мгновенно застыло, а налетевший ветер принес с собой запоздалый холод. Он вмиг очнулся, по всему телу вздыбились волосы, и нереальный леденящий холод проник под кожу посреди этого раскаленного зноя.

Это был скальпель! Брошенный коротковолосой девушкой со светло-зелеными кудрями со скоростью, которую не успевал уловить глаз, он летел не как нож, а скорее как пуля.

— Ты за кого меня держишь, дурилка картонная?! Seriously думаешь, что я в это поверю?! — Лань Ду спрыгнула со стола и воинственно двинулась на Фэн Цихэна.

— Эй-эй-эй! В мирном обществе не одобряют рукоприкладство! — Фэн Цихэн в панике попятился, хотя от слабости в ногах стал больше похож на загнанного в угол рядового моба.

— Ну чего ты такая категоричная! Ты Бегущего по лезвию видела? Там целая группа репликантов, очень суровый и серьезный научно-фантастический фильм. В нем как раз исследуется связь между репликантами и людьми: можно считать себя клоном с делением соматических клеток, а можно — человеком с душой, который любит кока-колу. Конечно, над этим тебе придется подумать самостоятельно. Все мы появляемся на свет из утробы, наследуя кровь родителей, в то время как у репликантов этого нет. Разве нельзя подмешивать другую ДНК еще до развития эмбриона, чтобы повысить индивидуальные способности? Когда в антиутопиях клоны становятся нормой, как отличить их от людей? Если я скажу «Переплетение клеток, клетки», ты отреагируешь? В этот момент мы все превращаемся в единую жизнь, так чем же «человек» отличается от «репликанта» с точки зрения собственной исключительности и благородства? Душой... или базовой поведенческой логикой репликанта? Здравый смысл в этот момент становится кандалами, мешающими собственному суждению. Если положить на чаши весов человечность и сострадание, то я готов поклясться, что репликанты человечнее самих людей. Бросьте этот мерзкий центризм! Даже если сейчас я репликант с иной кровью, неужели я должен стоять на ступень ниже? Мир развивается, любые теории могут быть опровергнуты, и если твои родители — репликанты, останется ли твоя кровь прежней? Чтобы легче выживать в этом мире, нужно просто принять его абсурдность.

Это был чистейший бред! Даже не софистика: какие клоны, какие люди — он просто хотел

отвязаться от назойливой девчонки! Впрочем... подумалось Фэн Цихэну, сто 100 способов общения и правда себя окупили: уводить разговор в такие кривые дебри оказалось невероятно полезно! Главное — собеседница выглядела слегка простоватой.

— Вообще-то необязательно смотреть Бегущего по лезвию, Облачный атлас тоже подойдет. Сестры Вачовски... э-э... братья... теперь они сестры.

— А... ты что, репликант? — в голосе Лань Ду слышалось дрожание.

Она действительно оказалась простоватой! По сравнению с невозмутимой и деловой женщиной-хирургом разница была видна невооруженным глазом.

— Мелкая... — Фэн Цихэн хлопнул себя рукой по лбу, чувствуя, как в висках пульсирует кровь, точно в насосной колонне. — Главное, что тебе нужно понять, вовсе не то, «человек ли я» и «репликант ли он». Смысл жизни не в том, являешься ли ты беспозвоночным, биороботом на вычислительной базе или искусственным интеллектом, — нам нужно уметь принимать. Слепые поиски ответов загоняют нас в замкнутый круг. Мы должны искать общее в различиях, и тогда «понимание» станет мостом для общего языка... Ну-ка, спроси меня еще раз.

— Так ты репликант?

— А... нет, я самый настоящий человек.

...

Зашивание ран подходило к концу. На протяжении всей операции Найфсоис не переставала удивляться невероятной жизнеспособности тела девочки: раньше она оценивала состояние лишь визуально, но в процессе работы поняла, что травмы оказались куда тяжелее, чем представлялось. В общей сложности извлеченные металлические осколки потянули на целый килограмм, и их огранка показалась ей смутно знакомой. Сполоснув и продезинфицировав тело пациентки, она переложила эту задачу на Лань Ду.

— Кризис миновал, ее тело невероятно крепко, а скорость регенерации в несколько раз превышает показатели обычного человека, — Найфсоис мыла руки после операции. Не зная она, что Фэн Цихэн несет полную чушь, пожалуй, и вправду поверила бы в историю про «репликанта». — Если вы прибыли из «SOMMER», значит, вам уже ввели сыворотку, так что подобная скорость заживления неудивительна.

Неудивительна... да? У Фэн Цихэна дернулось веко. Вы всерьез считаете «нормальным», что человек получает тяжелейшие ранения, не умирает, да еще и восстанавливается с нечеловеческой скоростью? Похоже, ненормальным здесь был только он один. А ведь я еще готовил несколько вариантов объяснений на всякий случай!

— Огромное спасибо за помощь, хотя я понятия не имею, кто вы... — бормотал Фэн Цихэн, торопливо подбегая к Нидхегг. На теле девочки почти не осталось живого места, и тут он с облегчением заметил, что проявившиеся ранее драконьи хвост и рога куда-то исчезли. Вид девушки немного успокоил его.

— Я тоже стажер, хотя скоро уже пройду аттестацию. Ты поступил в декабре или в июне? — Лань Ду уперла руки в бока и задрала полы просторной одежды, выставляя напоказ свой статус.

— Мы оба сотрудники Тяжелого машиностроения «SOMMER». Меня зовут Луо, это китайское имя, — произнесла Найфсоис.

— А меня зовут Лань! — Фэн Цихэн тупо уставился на живую девчонку.

Я же не спрашивал, как вас зовут... С чего вдруг такая откровенность? Смысл моих слов был в том, чтобы не связываться с вами слишком тесно! Вы ведь тоже из «SOMMER», значит, связь с Пандорой у вас налицо! Я, конечно, благодарен за помощь, но если завязну по уши, мою шкурку никто не спасет. И еще — декабрь? июнь? У них что, набор персонала по графику?

— Э-э... Меня зовут Эдда фон Хэн. Классическое немецкое имя, — выдал дежурную ложь Фэн Цихэн. — Я поступил в Тяжелое машиностроение Зоммера в июне.

— Хе-хе, значит, ты позже меня! А я поступила в декабре. Я твоя старшая по званию.

Подобострастный вид Лань Ду ясно дал понять Фэн Цихэну, насколько незрелой оставалась эта девчонка, несмотря на все заявления о старшинстве. От ее самодовольной физиономии у него слегка закружилась голова.

— Хоть я и не представляю, как вы преодолели полигон и добрались сюда, провести необходимый инструктаж все же придется, — Найфсоис перевела взгляд с Фэн Цихэна на Лань Ду. — Отправляйтесь с нами. Впрочем, если точнее, вам все равно не выбраться из Гинунгагапа своими силами. Раз уж мы все из «SOMMER», я обучу вас тому, что нужно знать об этих местах, а заодно покажу необходимый способ открытия...

Тело Фэн Цихэна слегка задрожало.

— Разумеется, это касается и тебя, Лань. Но перед этим...

Голос Найфсоис звучал словно откуда-то из тумана.

— Твои собственные раны тоже нельзя назвать легкими, путь сюда наверняка тебя вымотал. Сначала как следует выпись.

Воля Фэн Цихэна рассыпалась прахом, а образы эффектной красотки-врача и жизнерадостной девчонки начали постепенно расплываться. Напоследок он бросил взгляд на лежавшую на операционном столе Нидхегг, и ее безмятежное спящее лицо стало последним, что он увидел, прежде чем всё погрузилось во тьму.

<http://bllate.org/book/19201/1885562>